

они встречают человека, отличающегося тем, что он ищет истину и любит правду, старается отвергнуть ложь и лицемерие и отказаться от хвастовства и обмана, они делают его предметом своего презрения и насмешек» (Омар Хайям Нишапури, «Трактат о доказательствах проблем ал-джабры и ал-мукабалы», XI в.).

Библиография

Крылова А.С., Владыкин В.Е. Об этносе, личности, толерантности (фрагмент неоконченного диалога) // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 7. С. 123–128.

АНДРЕЙ НЕХАЕВ

On the Origin of Academic Species: формирование идейных ниш и $\mu\iota\mu\eta\sigma\iota\varsigma$ среди научных форм жизни¹

Статья о «провинциальной» и «туземной» науке, предложенная для дискуссии М. Соколовым и К. Титаевым, привлекает к себе внимание уже в силу самой своей провокационности. Предпринятый ими анализ, этакий «экологический мониторинг» окружающих территорий науки и расселившихся на них академических видов, вполне согласуется с тем, что каждый из нас может наблюдать в рамках своей исследовательской повседневности. Это и скучно-унылые изыскания (день ото дня все более обременяющие утробу отечественной научной периодики), и весьма причудливые представления многих из « α -особей» той или иной академической популяции о подлинной научности (а значит, и о том, как именно следует заниматься наукой), и пафосные речи над могилами идей (давно оставивших наш «дольный» мир), и велеречиво-помпезные молитвы научных властей (всех мастей и калибров), и даже наши собственные крошечные Хирши. Разумеется, в таких обстоятельствах велик соблазн, глядя на царство

Андрей Викторович Нехаев
Омский государственный
технический университет
A_V_Nehaev@rambler.ru

¹ Материалы для дискуссии подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00010а.

науки нашей, воскликнуть: «Исчислено... Взвешено... Найдено легким... И разделено...»¹. Но инициаторы этой дискуссии все-таки не пророки, а исследователи: им важно разобраться прежде с тем, *что и как* влияет на численность и научные свойства академических популяций.

Все пять вопросов, составляющих основу для данной дискуссии, исходят из предложенной инициаторами дискуссии трихотомии: «столичная» / «провинциальная» / «туземная» науки. Это деление с институциональной точки зрения является вполне релевантным для модели научной коммуникации, в которой каждый из участников озабочен прежде всего новизной высказываемых им реплик, а стремление побороть эту «базовую академическую тревожность» порождает две, экзотические на первый взгляд, академические формы жизни — «туземцев» и «провинциалов». Однако на деле развернувшаяся здесь дискуссия с *идеологической* точки зрения скорее подразумевает дихотомию в делении науки — «плохая» / «хорошая», — предлагая не пять, а всего лишь два крайне острых и провокационных вопроса: «как отделить *плохую* науку от *хорошей*?»² и «как *плохую* науку превратить в *хорошую*?»³ (вопрос, пожалуй, более головоломный, чем ему предшествующий). Взяв за основу оба эти идеологических вопроса, давайте попробуем разобраться с тем, какие ответы на них можно было бы подыскать.

В качестве очевидного и надежного параметра в подразумеваемой инициаторами дискуссии модели научной коммуникации, фиксируя который, мы оказываемся в состоянии отделить «зерна» (достоинные внимания научные идеи) от «плевел» (разнообразного квазинаучного флуда), а значит, и отличить *хорошую* науку от *плохой*, должен послужить прежде всего тот кумулятивный эффект, который возникает как следствие от

¹ Источник этой парафразы — известная библейская история о толковании пророком Даниилом предсказания, явленного царю Валтасару (Книга пророка Даниила 5: 25–28).

² Примечательно здесь то, что инициаторы дискуссии, демаркируя границы исследуемой проблемы, по-видимому, не разделяют общего настроения «позитивистской идеологии» (которая, пожалуй, под натиском современных социальных исследований науки и технологии сохраняется как символ веры лишь среди самых ортодоксальных представителей естественных наук), оправдывающей использование в таких случаях иной дихотомии — «наука» / «не-наука». В противном случае и проблемы как таковой просто не существовало бы, а был бы лишь упрямый «факт»: науки в России нет и в обозримой перспективе не предвидится.

³ Стоит отметить, что так называемой «столичной» академической формой жизни, как кажется, можно здесь и вовсе пренебречь, поскольку в исследовании М. Соколова и К. Титаева за *a priori* берется, что для поведения ее представителей «базовая академическая тревожность» оказывается не столь значима. Ведь подобная форма жизни и является той доминирующей популяцией, которая определяет, что же именно мы обязаны (а значит, и согласимся) признать новизной для каждой конкретной реплики. Иными словами, это верхушка «пищевой цепи» мира академической природы («кормовой базой» в данном случае служит такой специфический ресурс, как «академическое внимание»). А значит, представители «столичной» науки могут вполне себе позволить попросту не реагировать на потенциальные риски оказаться «несъедобными» для коллег.

множества индивидуальных вкладов, осуществляемых отдельными репликами участвующих в научной коммуникации исследователей. Чем больше этот вклад, тем, казалось бы, ярче «заметность» исследователя (так называемая *visibility*), а значит, и выше шанс быть «съеденным» своими коллегами, получив тем самым искомую долю внимания с их стороны. Отталкиваясь от этой *антидарвинистской метафоры*¹, мы можем себе позволить рассматривать наблюдаемый нами мир академической природы как особую и специфическую среду, в которой конкуренция за привлечение *чужого*² внимания, и как следствие стремление быть «съеденным», играет ключевую роль.

Важным отличием академической конкуренции от естественного отбора, царящего в мире Природы, является то, что (в отличие от биологических) ни один из известных нам российских академических видов (в том числе и ни один из тех видов-эндемиков, которые так скрупулезно и блестяще описаны инициаторами этой дискуссии) чаще всего не вступает в какую-либо конкуренцию с другими видами, исключая тем самым любые проявления *межвидовой борьбы*³ в семействе *homo academicus*. Однако, пожалуй, более принципиальным отличием является здесь то, что, наблюдая за существованием представителей российской популяции этого семейства, нам не удастся обнаружить и сколько-нибудь оживленной *внутривидовой борьбы*. Причины этому просты и кроются в специфических «экологических» механизмах, влияющих на выбор российскими академическими видами той конкурентной стратегии, которая должна обеспечить им максимальные адаптационные преимущества.

Трудно сомневаться в том, что сама по себе конкуренция не может не стимулировать интеллектуала к тому, чтобы он пытался выделиться среди своих соперников *новыми* и *оригинальными* идеями, которые *можно* и *нужно* конвертировать в признание⁴. Ведь как-никак это признание позволяет ему зани-

¹ Если все *живые организмы* борются за выживание и сохранение своего существования, всеми способами избегая попадания на «стол» к своим хозяевам по пищевой цепи, то *академические организмы* скорее наоборот — делают все, чтобы быть как можно более привлекательными и «аппетитными» для своих коллег-«каннибалов». При этом стоит помнить, что номинация этой метафоры как *антидарвинистской* скорее имеет под собой сугубо иронические основания, нежели концептуальные.

² Здесь неважно, чье именно внимания, принадлежащего своему же виду или нет. Иными словами, это может быть внимание или ближайших коллег по общей дисциплине, или коллег из других дисциплин, или даже вовсе не коллег — например, администрирующих науки чиновничьих групп.

³ Так, «провинциалы», игнорируемые «столичной» наукой, в основе своей брезгают любыми «туземными» формами жизни, которые в свою очередь пренебрегают ими всеми вместе взятыми.

⁴ Хотим мы этого или нет, но приснопамятный принцип *publish or perish* пока никто не отменял [Coelho 1976]. Даже с точки зрения элементарной экологии мира академической природы, ее представитель, постоянно публикующий результаты своих исследований, так или иначе обладает

мать желаемые академические ниши (со всеми произрастающими в их пределах системами статусов и символизма), а значит, и дает возможность оказывать воздействие на результирующие векторы эволюции теперь уже внутри самого мира академической природы, т.е. непосредственно влиять на направления и формы интеллектуального творчества, «открывающая» или «закрывающая» целые тематические поля на территории науки¹.

Эта, на первый взгляд, сугубо «экзистенциальная»² практика интеллектуалов содержит в себе и весьма неожиданные следствия, демонстрирующие нам, как именно эгоистические интересы отдельно взятого представителя мира академической природы могут как служить определенной видовой пользе, так и наносить вред всему семейству *homo academicus*, способствуя его постепенной инволюции. На первый взгляд, кажется абсурдным то, что как *внутривидовые*, так и *межвидовые* отношения в мире академической природы способны стать источником интеллектуальной деградации, тем не менее это так и есть, а предъявленные нам натуралистические заметки инициаторов дискуссии о «провинциальной» и «туземной» науке служат прекрасным тому свидетельством. Давайте попробуем разобраться, в чем же причины этого и как именно это происходит. Почему существующая в мире академической природы система внутривидовых и межвидовых отношений исключает из его жизни борьбу и конфликт³, подменяя их толерантностью и разного рода конформными формами поведения?

Причины лежат на поверхности, они видны «невооруженным глазом», и сами инициаторы дискуссии неоднократно их описывают. Это, так сказать, «идейная» имитация⁴, рождаемая в ходе распространения такой чрезвычайно паразитической

определенными адаптационными преимуществами перед своими более «робкими» конкурентами (исключая, разумеется, из их числа отдельных академических «динозавров» вроде Джорджа Мида или Людвиг Витгенштейна), имея-таки шанс (пускать и чисто теоретический) привлечь к себе внимание, разбудить «цитационный аппетит» и быть все же «съеденным» своими коллегами (а значит, и сделать свой, пускай и ограниченный, «генетический» вклад в эволюцию семейства *homo academicus*).

- ¹ Выступая в роли так называемого *disciplinary gatekeeper* и одновременно куратора принятой в дисциплине системы академических статусов.
- ² Иначе говоря, связанная со средой их обитания и необходимостью вести постоянную *struggle for existence*.
- ³ Стоит согласиться с Рэндаллом Коллинзом в том, что «конфликты — жизненный сок интеллектуального мира» [Коллинз 2002: 143]. Это значит, что там, где нет борьбы, нет и новых идей, поскольку идея в этом случае превращается для представителя семейства *homo academicus* в избыточный рудимент, своего рода «наследственный атавизм».
- ⁴ Так, инициаторы дискуссии приводят серию забавных примеров из жизни «провинциалов», которые прекрасно иллюстрируют своего рода «академическую эпийокию», проще говоря, так называемое «нахлебничество» (известную из мира Природы форму комменсализма, при которой один организм, будучи тесно связанным с другим и не нанося ему вреда, питается остатками его пищи).

формы поведения, как подражание одних представителей семейства *homo academicus* другим.

Интеллектуалы действительно наблюдают друг за другом для того, чтобы определить, какие именно идеи позволят их создателям и носителям успешно занять выгодные академические ниши, наделяя осваивающие их популяции исследователей соответствующими социальными статусами и гарантируя им определенные репутационные выгоды. Здесь мы видим типичный пример того, как необходимость конкурировать рождает спрос на такие адаптационные стратегии, как имитация и подражание (явление весьма распространенное в Природе). Однако одно это не может служить источником устойчивой идейной деградациии и исключать любые формы межвидовой и внутривидовой борьбы, поскольку в обычных условиях интеллектуалы не только подражают друг другу, но и дифференцируются между собой для того, чтобы то, что ими предлагается, было относительно уникальным на «идейном ландшафте». Здравый смысл и жизненная опытность подсказывают, что если мы оказались успешны в нахождении своей *особой* ниши на «идейном ландшафте», нам уже не нужно соревноваться напрямую со всеми остальными интеллектуалами.

Разумеется, степень «новизны» и «оригинальности» наших идей существенно ограничена со стороны других представителей семейства *homo academicus*, поскольку чтобы быть принятой и признанной, наша идея как минимум должна быть понятой. Это значит, что наша идея должна иметь известную долю «оригинальности», но быть при этом вполне «понятной»¹ для других интеллектуалов так, чтобы ее относительная «съедобность» могла быть установлена и всем было ясно, какого рода академическую нишу можно с ее помощью занять. Кумулятивный эффект, возникающий от подобных действий представителей мира академической природы, должен препятствовать снижению «съедобности» и «питательной ценности» их идей в результате прямой конкуренции среди интеллектуалов, чего, например, следовало бы ожидать, если бы все они идейно предлагали одно и то же². А значит, любая ниша на

¹ Отчасти головоломная задача, стоящая перед каждым представителем *homo academicus*, сродни известному «парадоксу шифровальщика» Марка Бейкера [Бейкер 2008: 9–10]. Подобно тому как шифровальщик должен найти такой языковой код, который был бы одновременно и очень похож, и в то же время сильно отличался от языкового кода шифруемого им сообщения, интеллектуал, страдающий «базовой академической тревожностью», должен подыскать идею, подобную уже известным, но все-таки сильно от них отличающуюся.

² Подобные эффекты непрямой конкуренции, возникающие в условиях разделенного рынка, когда обмен оказывается встроен в относительно узкие цепи, описывает и анализирует в своей сетевой теории рынка Харрисон Уайт [White 1992]. Впрочем, нечто весьма схожее с непрямой конкуренцией мы можем наблюдать и в действии механизмов интеллектуальных сетей Рэндалла Коллинза [Коллинз 2002].

«идейном ландшафте» — это не просто утилитарный результат совмещения спроса и предложения или примитивный экологический эффект давления на организм окружающей среды, но скорее попытка самих интеллектуалов понять, как им следует осуществлять селекцию идей, которые были бы подобны тем, что уже находятся в «пищевой цепи» и пользуются популярностью среди академических организмов (поддаваясь тем самым влиянию интеллектуальной моды), но в то же время были бы не настолько им сродни, чтобы вступать с ними в прямую конкуренцию¹.

Так интерпретируемый процесс формирования идейных ниш позволяет нам понять, откуда берется адаптационное (или, если угодно, статусное и репутационное) неравенство в семействе *homo academicus*, представители которого, конкурируя между собой, осуществляют одновременно новации и мимесис. При этом новации и неравенство оказываются здесь столь тесно связанными, что успешным среди интеллектуалов становится лишь тот, кто формирует (по крайней мере, на некоторое время) такие академические ниши, в границах которых предложенные им идеи достаточно уникальны, а значит, и защищены от прямой конкуренции. Более того, когда, благодаря мимесису, активно практикуемому среди представителей семейства *homo academicus*, конкуренция все-таки достигает его ниши, наибольшие адаптационные преимущества оказываются у тех, кто быстрее остальных переключается на поиск новых идей. В итоге, нормально функционирующий мир академической природы, включающий в себя механизмы конкуренции посредством межвидовой и внутривидовой борьбы среди интеллектуалов, становится способен к новации через подражание, постоянно эволюционируя от более примитивных простых идей к более абстрактным и сложным, стимулируя нас создавать и обживать все новые и новые ниши.

Однако описываемая инициаторами дискуссии «экология» российских научных ландшафтов столь «токсично» действует на представителей семейства *homo academicus*, что этот «естественный» механизм внутривидовой и межвидовой борьбы

¹ Используемая здесь теория формирования ниш была предложена биологами Джоном Одлинг-Сми, Кевином Лэландом и Маркусом Фельдманом [Odling-Smee, Laland, Feldman 1996; 2003]. Ее особенностью является иное понимание эволюционного процесса, нежели то, которое принято в классическом дарвинизме. Так, теория формирования ниш трактует эволюцию не как непрерывный и асимметричный процесс (организмы приспосабливаются к окружающей их среде, и никогда — наоборот), а как процесс дискретный и допускающий известную долю симметрии (организмы не только занимают ниши, они их формируют и сами формируются, адаптируясь к ним), закрепляя тем самым за живыми организмами активную роль в их собственном эволюционном развитии. Стоит отметить, что теория формирования ниш оказала серьезное влияние не только на современную биологию, но и на лингвистику. В частности, на ее основе был предложен ряд остроумных и, как кажется, весьма перспективных нативистских теорий языка [Бикертон 2012].

дает серьезный сбой, нарушая необходимый баланс в отношениях между оригинальностью и подражанием. С чем же это связано и почему представители российской популяции *homo academicus* так катастрофически неоригинальны и склонны к одному только тотальному подражанию (либо самим себе, как это принято в среде «туземцев», либо иным, более развитым формам академической жизни, что так распространено среди «провинциалов»)? Иными словами, почему в российских условиях новация оказывается менее эффективной адаптационной стратегией, чем мимесис?

Ответ очевиден: *новация попросту не формирует неравенства* среди представителей российской популяции семейства *homo academicus*, поскольку не дает никому из них никаких адаптационных преимуществ. При этом наблюдаемое нами почти полное и повсеместное отсутствие межвидовой и внутривидовой борьбы среди представителей российской популяции *homo academicus* рождает два эволюционных дефицита (в равной степени характеризующих как «провинциальную», так и «туземную» науку), только подкрепляющих могущество и господство миметических адаптационных стратегий.

Первый тип дефицита заключается в отсутствии общих и незамкнутых академических ареалов, внутри которых бы обитали представители разных видов семейства *homo academicus*. Этот своеобразный дефицит видового разнообразия внутри академических ареалов связан с локальностью и изолированностью заселяющих их популяций, каждая из которых является подлинным эндемиком¹. А значит, ее возможности внести хоть сколько-нибудь значительный «генетический» вклад в эволюцию мировой науки через механизмы наследственной изменчивости оказываются мизерными (если таковые вообще имеются). Взамен этих рискованных инвестиций в эволюционные процессы мировой науки академические виды-эндемики, старательно избегая любых форм межвидовой борьбы, получают почти идеальный баланс между адаптационными интересами своей популяции и условиями занятой ими ниши, поскольку в ней не будет способен выжить (по крайней мере, без значи-

¹ Разнообразный по своим целям и задачам анализ причин локальности и замкнутости российских академических популяций можно обнаружить в серии исследований, предпринятых петербургскими социологами [Соколов 2009; 2012; Губа, Семенов 2010]. В них есть детальное описание вполне типичных российских академических ареалов (институтов, кафедр или лабораторий), в границах каждого из которых мы почти никогда не встретим сколько-нибудь серьезного видового разнообразия. При этом неспособность представителей российской популяции *homo academicus* покинуть пределы своего «домашнего» ареала еще более усугубляется тем, что академическая занятость, пожалуй, одна из самых негибких форм занятости с точки зрения мобильности на рынке труда. Представители академических профессий имеют, как правило, самые низкие шансы (а часто и склонности) к смене своей профессии (чем с успехом пользуются разнообразные чиновничьи группы, курирующие образовательную и научную политику).

тельных мутаций) ни один пришлый представитель семейства *homo academicus*. Представители академических видов-эндемиков, чтобы выжить и сохранить за собой занятый ими ареал, скорее обязаны подражать (как-никак, но это самая экономичная стратегия адаптации), нежели осуществлять новации.

Второй тип дефицита тесно связан с принятой в среде академических видов-эндемиков политикой «размножения» и воспроизводства собственной популяции (пожалуй, именно здесь наиболее рельефно проступают все их таксономические особенности). Излюбленной и фактически единственной доступной для академических организмов в условиях эндемизма политикой «размножения» и воспроизводства является инбридинг¹. Это неизбежно усиливает их и без того высокую изолированность вида-эндемика, способствуя конформности поведения ее представителей². Подобного рода селекция через «близкородственное скрещивание» дает свои результаты: с каждым новым поколением академические организмы приобретают стойкий «иммунитет» к любым новациям³. Неравенство в таких условиях никак не связано с поиском и выдвижением новых идей, а имеет ярко выраженный поколенный характер. Чем «старше» / «моложе» академический организм, тем он «выше» / «ниже» расположен по отношению ко всем остальным представителям академического вида-эндемика, а значит, для него единственно успешная адаптационная стратегия — это подражать и ждать своей очереди⁴.

¹ Впрочем, в некоторых академических популяциях все чаще встречаются и такие необычные политики воспроизводства, как, например, партеногенез, т.е. «размножение» без «оплодотворения» новых поколений академических организмов какими-либо идеями, а некоторые из наиболее влиятельных «а-особей» таких академических мирков даже втайне мечтают об «асексуальном размножении» по принципу вегетативного, где новое поколение академических организмов будет действительно «плоть от их плоти».

² Здесь трудно не заметить прямую аллюзию к идеям, принадлежащим Джорджу Хомансу [Homans 1950; 1961], Майклу Хечтеру [Hechter 1987], Джеймсу Коулману [Coleman 1990], согласно которым небольшие и изолированные группы обладают очень высоким уровнем солидарности и благодаря частому взаимодействию членов этих групп между собой у них формируется строго конформный стиль поведения.

³ Изучение вредных влияний инбридинга на научную продуктивность исследователей имеет давнюю традицию и достаточно широко распространено [Eells, Cleveland 1935; Horta, Veloso, Grediaga 2010], особенно в тех национальных академических системах, в которых инбридинг фактически составляет основу политики по отбору новых исследовательских кадров (как, например, в Испании или Португалии). Российская же академическая система, пребывая в условиях так называемой «бедной науки», пока еще очень смутно (за редким исключением) осознает, какие опасности таит в себе инбридинг и чем это может быть чревато [Сивак, Юдкевич 2009].

⁴ В идеале таким академическим формам жизни хочется, чтобы ученую степень и научные почести либо распределяли согласно выслуге лет, либо присваивали коррелятивно той иерархии, которая существует среди административных должностей (например, если заведующий кафедрой — это просто крупный ученый, то ректор — уже ученый международного класса, а, скажем, тот же министр — просто самый умный в Отечестве наш человек).

Особенно это характерно для популяций, состоящих из представителей «туземной» науки. В их среде идея (этот важнейший «генетический» материал для научной эволюции) обесценивается столь стремительно, что безвредные формы комменсализма «провинциалов» (вроде эпиойкии, или так называемого «нахлебничества») вытесняются более уродливыми — например, инквилинизмом, или, проще говоря, захватом чужого текста путем «убийства» его хозяина (от самых «мягких», если позволительно так выразиться, вариаций на тему плагиата до крайне «жестких» действий по воровству и насильственному отъему целых диссертаций¹).

На этом, полагаю, краткий метафорический экскурс в историю происхождения и таксономию российских академических видов можно завершить. Теперь нам остается только разобрать, какие именно импликации он в себе содержит для инициированной здесь дискуссии о недостатках и преимуществах «туземной» и «провинциальной» науки. Для этого давайте заново сформулируем вопросы нашей дискуссии, принимая во внимание тот идеологический контекст, который скрыт в дихотомии «плохая» / «хорошая» наука.

Итак, какой вклад могут внести «провинциальная» и «туземная» науки в развитие научного знания?

К сожалению, этот вопрос, взятый в рамках избранной же нами самими «биологической» метафоры, не может иметь никакого однозначного ответа², кроме банального наблюдения натуралиста-любителя, явленного нам в ничего не объясняющей догме — «Природа-мать не терпит пустоты». Тем не менее сам по себе этот вопрос не лишен «биологического» смысла, поскольку знание тех ролей, которые исполняются подобного

¹ Так, на памяти автора этих строк, ректор одного из новосибирских коммерческих вузов приехал как-то в город Омск на своем роскошном «гелендевагене», да приехал не просто так, а с «визитом» к одному из недавно защитившихся соискателей ученой степени доктора xxx наук. Цель этого визита была «скромная»: сообщить этому самому соискателю о том, что, дескать, в ВАК его диссертацию «завернули», а он, стало быть — ректор, не мудрствуя лукаво, диссертацию эту-то и прикупил, а значится, когда этот «крупный ученый муж» пойдет с ней на защиту, «шуму» там всякого лишнего лучше не поднимать (все равно все уже «схвачено»).... На том они и порешили. К слову сказать, бывший научный консультант этого соискателя и (о, ужас!) даже сама ведущая организация на защите нашего инквилина высказались достаточно однозначно, заявив о наличии в диссертации плагиата (более того, позицию свою они недвусмысленно обозначили и в ВАК), но, как и стоило ожидать, ничего страшного в итоге не произошло.

² Для тех же, кто настойчиво желает приоткрыть тайную завесу над замыслом, царящим в мире академической природы, можно посоветовать обратиться за ответом к теории глобальных интеллектуальных изменений Рэндалла Коллинза. Так, в одном из фрагментов своего исследования под говорящим титулом «Что делают третьестепенные философы?» [Коллинз 2002: 118–122] он разъясняет, что вклады многочисленных, но малозначительных фигур в среде интеллектуалов (ведь примеры выдающегося творчества относительно редки) состоят прежде всего в производстве некоторого, так сказать, «фонового уровня радиации» в системах коммуникации и мышления, необходимого для того, чтобы в ходе ряда «мутаций» возникли-таки новые образцы подлинно творческой мысли.

рода незначительными с эволюционной точки зрения семействами и видами, позволило бы нам существенно продвинуться в понимании того, что такое академическая эволюция и какие из возможных телеономических ее трактовок мы могли бы принять. Иными словами, должны ли мы, исследуя академические виды и их таксономические признаки, придерживаться в своих объяснениях ламаркизма или дарвинизма? Но для этого поставленный здесь вопрос следует прежде адресовать профессиональным биологам, пускай они дадут нам разъяснение о том, чем именно с эволюционной точки зрения оправданно существование тех или иных видов-эндемиков? Помимо того что их представители услаждают наш взгляд, делая созерцаемый ландшафт не столь безжизненным, каким он мог бы быть без них.

Далее, какая из наук лучше — «туземная» или «провинциальная»?

Впрочем, это даже не вопрос, а скорее тест на академическую политкорректность. Но, по счастью, «биологу», изучающему мир академической природы, не обязательно быть политкорректным, достаточно быть просто корректным. С точки зрения филиации идей (этакого академического аналога потока генов) как базового смысла эволюции науки, «провинциальная» наука более предпочтительна¹, нежели «туземная». В любом случае мимесис как следствие размножения при помощи «оплодотворения» какими-то идеями в большей степени соответствует духу академической природы, чем подражание вкупе с «однополыми» или даже «бесполыми» формами «размножения». Впрочем, вне сомнений и то, что именно «туземная» наука более успешно адаптирована к местным ландшафтам и особенностям их экологии, чем «провинциальная». «Туземную» науку пока во многом спасает изолированность от «провинциальной», поскольку рост интенсивности контактов «туземцев» с «провинциалами» (разносчиками многих неведомых для них «идей-болезней») в результате активной межвидовой борьбы, скорее всего, привел бы к пандемии и череде академических и репутационных смертей среди «туземцев».

¹ Формируемый для этого «провинциалами» идейный «коридор» может быть весьма узок, а местами и чересчур извилист, как это убедительно продемонстрировал один из инициаторов данной дискуссии [Соколов 2009]. В этом смысле есть широкое поле для иронии и сарказма над тем, как обращаются с идеями представители «провинциального» академического вида. Так, если для «туземца» идеи — это только бесполезный ментальный рудимент, который уже давным-давно не служит даже целям «размножения», то для «провинциала» — это что-то вроде интеллектуального феромона, который им используется либо в качестве простого релизера, побуждающего коллег вести себя определенным образом (т.е. что-то вроде подразумеваемого предложения «Я читаю Пьера Бурдые, пожалуйста, съешь (процитируй) меня»), либо более изощренно — в виде своеобразного лихневмона, позволяющего замаскироваться под другой более «респектабельный» в его глазах академический вид (как реальный — «столичный», так и некий воображаемый).

В этом отношении приводимый инициаторами дискуссии пример Чикагской социологической школы в качестве «туземной» и одновременно добившейся выдающихся научных результатов не может нами рассматриваться как валидный¹, поскольку ее представители были типичными «провинциалами» (хотя, разумеется, и сильно отличными от тех, которых в массе своей можно обнаружить в пределах российской популяции). Слава и влияние Чикагской социологической школы объяснимы не только теми институциональными условиями, которые возникли вследствие финансовых вливаний Джона Рокфеллера и менеджерского гения Уильяма Харпера, но прежде всего тем, что ее представители избежали изоляции, а значит, и не разделили общей участи всех герметично существующих академических видов-эндемиков. Так, Альбион Смолл (отец-основатель социологического факультета в Чикагском университете и “American Journal of Sociology”) активно интересовался идеями европейских социологов (в частности, многие из важнейших статей Георга Зиммеля были опубликованы именно благодаря его участию [Козер 2006: 310]), а Уильям Томас и Роберт Парк учились в Германии и испытали, по их собственным словам, сильнейшее влияние европейской академической традиции².

И наконец, последний вопрос — как превратить «плохую» науку в «хорошую»?

На первый взгляд, самое простое решение — это распахнуть «двери» и «окна» изолированного мирка академических видов-эндемиков, позволив им тем самым свободно «мешаться» друг с другом и беспрепятственно перемещаться между разнообразными идейными и академическими нишами, не заботясь о собственных адаптационных преимуществах и репутационных выгодах. Однако автор этих строк не разделяет чересчур

¹ Мне кажется, предложенные инициаторами дискуссии термины «провинциальный» и «туземный» допускают некоторую путаницу в своих синонимических рядах. Дабы ее избежать и сохранить чистоту контекста дискуссии, следует специально указать на то, что термин «самобытный» более удачно монтируется с термином «провинциальный», нежели с термином «туземный», который в свою очередь синонимичен скорее термину «заурядный» (если не сказать «унылый»). Исходя из этого не будет большим преувеличением высказать тезис о том, что от «самобытности» до «оригинальности» путь намного короче, чем к ней же, но уже от «заурядности». В каком-то смысле «самобытность» — это просто способность при случае умело распорядиться собственными «идеями-генами», смешав их с чем-то принципиально иным так, чтобы полученный в ходе «мутации» результат скорее обладал всеми доступными в таких условиях адаптационными преимуществами, а не недостатками.

² В числе тех, кто оказал это влияние, оставив на социологии Чикагской школы «европейский» след, можно обнаружить самые разнообразные имена. И это не только имена социологов (Огюст Конт, Габриэль Тард, Герберт Спенсер, Фердинанд Тённис и все тот же Георг Зиммель), здесь мы встречаем имена и философов (Вильгельм Виндельбанд и Фридрих Паульсен), и психологов (Вильгельм Вундт и Альфред Адлер), и языковедов (Мориц Лазарус и Хейман Штейнталь) [Козер 2006: 300–311, 473, 489].

«пасторальных» настроений, свойственных некоторым апологетам социологии науки в духе Роберта Мертона (они, как кажется, весьма превратно трактуют предложенный им этос), поскольку с представленной здесь «биологической» точки зрения идеальная «мертоновская» популяция *homo academicus* в условиях панмиксии, отсутствия изоляции и любых форм давления естественного отбора (межвидовой и внутривидовой борьбы) окажется совершенно неспособна к эволюции, неизбежно подпадая под действие закона Харди-Вайнберга.

В этой связи опять же показателен успех Чикагской социологической школы, основа которого кроется вовсе не в том, что ее представители «мешались» со всеми подряд, а как раз-таки в том, что межвидовое давление со стороны представителей других академических популяций (и прежде всего — Гарварда, основавшего собственный социологический факультет) вынудило их превращать собственные идеи во все новые академические ниши. Ведь эволюция в семействе *homo academicus* возможна только там, где существует описанная нами выше взаимосвязь новаций и неравенства, а значит, активно ведется межвидовая и внутривидовая борьба.

Но если нет никаких простых рецептов превращения «плохой» науки в «хорошую», что же нам тогда следует делать? Прежде всего, не стоит забывать о том, что теория формирования ниш говорит нам о симметрии в эволюционных процессах: мы не столько приспосабливаемся к окружающей среде, сколько создаем ниши, адаптируясь к которым в итоге и эволюционируем. Значит, все в наших руках, а *minimum minimorum* на пути от «плохой» науки к «хорошей» — это хотя бы не делать того, что мы могли бы не делать. Например, не писать академических текстов, начисто лишенных смысла, и не позволять делать это другим, поскольку каждый такой текст, в конечном счете, работает на то, чтобы формировать ту самую «унылую» нишу, к которой нам всем рано или поздно придется приспособливаться.

Библиография

- Бейкер М.К. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания. М.: ЛКИ, 2008.
- Бикертон Д. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Губа К.С., Семенов А.В. В центре внимания или центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 3. С. 133–154.
- Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006.

- Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Сивак Е.В., Юдкевич М.М.* Академический инбридинг: за и против // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 170–187.
- Соколов М.М.* Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 76–82.
- Соколов М.* Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // *Laboratorium*. 2009. № 1. С. 20–57.
- Coelho P.R.P.* Rules, Authorities, and the Design of Non-for-Profit Firms // *Journal of Economic Issues*. 1976. Vol. 10. No 2. P. 416–428.
- Coleman J.S.* Foundations of Social Theory. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
- Eells W.C., Cleveland A.C.* The Effects of Inbreeding // *The Journal of Higher Education*. 1935. Vol. 6. No. 6. P. 323–328.
- Hechter M.* Principles of Group Solidarity. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Homans G.C.* The Human Group. N.Y.: Harcourt, Brace & Company, 1950.
- Homans G.C.* Social Behavior: Its Elementary Forms. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1961.
- Horta H., Veloso F.M., Grediaga R.* Navel Gazing: Academic Inbreeding and Scientific Productivity // *Management Science*. 2010. Vol. 56. No. 3. P. 414–429.
- Odling-Smee F.J., Laland K.N., Feldman M.W.* Niche Construction // *American Naturalist*. 1996. Vol. 147. No. 4. P. 641–648.
- Odling-Smee F.J., Laland K.N., Feldman M.W.* Niche Construction: The Neglected Process in Evolution. Princeton: Princeton University Press, 2003.
- White H.* Identity and Control. A Structural Theory of Social Action. Princeton: Princeton University Press, 1992.

ЮРИЙ ПУСТОВОЙТ

К вопросу о провинциальной и туземной науке

Я работаю в одном из самых туземных вузов в одной из самых провинциальных наук. Университет, в котором я работаю, возник в 30-е гг. прошлого века для обеспечения кадрами металлургической и горной промышленности. Долгое время такие учебные заведения были ориентированы на

Юрий Александрович Пустовойт
Сибирский государственный
индустриальный университет,
Новокузнецк
pustovoit1963@gmail.com